

Хотя он мало что знал о диссоциативном расстройстве идентичности, он достаточно наслушался за эти годы от тети и дяди о всяких ненормальных вещах, чтобы понять, что это расстройство подразумевает наличие у человека нескольких личностей, или, скорее, идентичностей, которые время от времени меняются местами. Согласно какой-то статье, которую прочитала его тетя, одна личность человека, страдающего этим расстройством, может говорить только по-английски и быть правой, а другая личность того же человека может говорить исключительно по-французски, иметь аллергию на кошачью шерсть и писать левой рукой.

Его тетя провела весь день, высмеивая статью и считая ее ерундой. Однако, судя по тому, как Джеймс говорил, у него сложилось впечатление, что мужчина поверил в то, что он вмняем и не является раздробленной личностью сознания его сына, только потому, что тот поверил утверждениям сына о том, что он реален, и это несмотря на то, что он наблюдал за тем, как тот ставит заслоны, которые, как прекрасно знал мужчина, его сын поставить не в состоянии, и как тот использует на нем легилименцию, на что, судя по реакции Джеймса, Гарри тоже не способен. В глазах Джеймса его магические способности никак не влияли на его здравомыслие, что наводило на мысль о том, что статья, которую читала его тетя, вовсе не была полной чушью и что любые способности Гарри, которыми он не обладал, не помогут убедить остальных в том, что он тот, за кого себя выдает.

Гарри застонал. Он посмотрел на Джеймса, который смотрел на Ремуса с твёрдой решимостью на лице, и ему стало ясно, что Джеймс - его единственная надежда на то, что его не запрут в палате Януса Толстого в Сент-Мунго. В данный момент он находился в таком истощенном состоянии, что остальные могли легко влить ему в глотку успокоительное зелье, например, очень сильный успокаивающий сквозняк, и он станет еще более недееспособным, чем был, или просто оглушить его и полностью вывести из строя. Как только он окажется в больнице Святого Мунго, ему будет очень трудно избавиться от влияния массы зелий и заклинаний, которые, без сомнения, будут влиты в его горло и наложены на него, что сделает побег весьма проблематичным. У него не было времени тратить его на подобную ерунду.

Ну что ж, ничего не поделаешь, - с некоторой неохотой решил Гарри, когда в его голове сформировался план. Что бы он ни делал, он не мог позволить остальным убедить Джеймса в том, что он - часть их Гарри и что больница Святого Мунго - единственное место для него теперь, когда он официально поддался своей "болезни".

"Папа", - сказал Гарри, намеренно позволяя страху дрожать в его голосе. Все пятеро взрослых посмотрели на него, но единственным человеком, на которого он ответил, был пронзительный взгляд Джеймса. Когда глаза Гарри и Джеймса сцепились, он мягко, но ощутимо потянулся к разуму мужчины, давая Джеймсу возможность воспротивиться его вторжению. Тот не стал сопротивляться и позволил ему вызвать воспоминания о последних срывах Гарри.

Наблюдая за борьбой своего собеседника, Гарри не мог не испытывать ужаса от того состояния, в которое привели мальчика его кошмары. Да, он много раз в жизни испытывал страх, чувствовал, как кровь стынет от ужаса, испытывал тревогу и отвращение, как сжимаются кишки и колотится сердце, чувствовал, что лучше умереть, чем жить, но у него всегда была цель, которая выходила за рамки его внутренней трусости. Не было места для страха, когда на кону стояли жизни невинных людей. Не было времени для ужаса, когда мир, каким он его знал, мог закончиться в одно мгновение, что привело бы к еще более мрачным дням. Не было смысла испытывать брезгливость, когда он знал, что смерть и опустошение перед ним все еще будут там, когда он проснется на следующий день, и будут продолжаться, пока он не поставит Волдеморта на колени и не закончит войну раз и навсегда. И каждый раз, когда он думал о сдаче, все, что он потерял, заставляло его идти вперед и снова вступать в бой.

У мальчика не было ничего подобного, не было цели, которая заставила бы его пережить тот ужас, свидетелем которого он стал ночью. Мальчику снились только кошмары, которые приходили и уходили, мучая его с каждым новым видением, которое они приносили, - ужасные кошмары, которые влияли на мальчика так же, как реальные события на него. Страх, холодный ужас и все остальное, на чем он никогда не позволял себе заикливаться, отчетливо читалось в глазах мальчика, когда он наблюдал воспоминания о том, как он разрывается на руках у отца, цепляется за мать, чтобы спастись, молча закрывается в себе и отказывается говорить. Это было душераздирающе, но еще хуже оттого, что в каком-то смысле он сам был причиной этого. Он не знал, как и почему Гарри из этого мира снится ему и его миру, но именно ужасы его жизни так повлияли на мальчика.

Вынырнув из воспоминаний Джеймса, Гарри замешкался.

"Гарри?"

<http://tl.rulate.ru/book/114338/4421346>